

УДК 130.1
ББК 87.77

Дмитрий Олегович Воробьев,
аспирант, Оренбургский государственный педагогический университет,
(Оренбург, Россия), e-mail: dratsolonchack@mail.ru

Страсть и одиночество

В статье рассматриваются актуальные онтогносеологические проблемы: функция познания бытийственных феноменов – страсти и одиночества, их взаимодействия и взаимовлияния. Страсть и одиночество выступают осознанными чувствами, жизненно необходимыми как для субъекта, так и для объекта. Сущностные искажения этих феноменов могут привести к глубоким онтологическим проблемам личности, изменяя конструктивные и позитивные стороны бытийственных феноменов на негативные формы взаимодействия и регрессию гносеологического компонента. Но, если они сосуществуют в бытие субъекта и объекта во взаимодействии, отрицая и преодолевая неадекватные колебания своей чувственной природы, они создают предпосылки для гармонического развития самости субъекта и объекта в целом, а их отношений в частности. Глубина и сила этих феноменов приводят к коренной ломке устоявшегося знания и рождению нового.

Ключевые слова: страсть, одиночество, дисбаланс отношений, взаимодействие, взаимовлияние, когнитивные акты.

Dmitry Olegovich Vorobiev,
graduate student, Orenburg State Pedagogical University,
(Orenburg, Russia), e-mail: dratsolonchack@mail.ru

Passion and Loneliness

The article deals with topical ontognoseological problems: the function of cognition of existential phenomena – passion and loneliness, their interaction and mutual influence. Passion and loneliness are conscious feelings that are vital for both the subject and the object. Essential distortion of these phenomena can lead to profound ontological problems of the individual, changing the constructive and positive sides of being phenomena for negative forms of interaction and regression of the gnoseological component. But, if they coexist in the being of the subject and the object in the form of interaction, negating and overcoming inadequate variations of their sensual nature, they create the conditions for the harmonious development of the self of the subject and the object as a whole and their relations in particular. The depth and strength of these phenomena lead to a radical change in established knowledge and formation of new one.

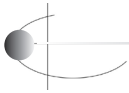
Keywords: passion, loneliness, relationship imbalance, interaction, mutual influence, cognitive acts.

Объектом исследования являются страсть и одиночество. Проблемой исследования является онтогносеологическое взаимодействие страсти и одиночества.

Страсть не только сильнейшее из чувств, охватывающее человека, но и сильнейшая из возможностей, дарующая не только преобразование собственного бытия субъекта, но и всех его бытийственных феноменов, в числе которых одиночество.

В нашей статье мы делаем предположение о том, что страсть и одиночество взаимосвязаны, и основываемся на определе-

нии, предложенном философами экзистенциалистами (Сартр и др.), утверждающими, что этот феномен представляет собой изначально неодолимую обособленность существования «Я» от других существований [1, с. 91–92]. Оно разъединяет людей, создавая из массы, коллектива самостоятельный субъект с собственным пространством, с территорией своего «Я», куда нет хода никому, но иногда эта потаённая структура человеческого бытия проявляет себя в тех или иных действиях, поступках, оговорках, имеющих те или иные глубинные причины [2, с. 132].

Само одиночество противоречиво переносится и осмысливается человеком, то стремящимся к нему, то избегающим его. Как только рождается человек, вместе с ним появляется ещё одно одиночество, но не только ощущение себя как индивидуальной единицы приносит этот феномен, субъект сталкивается с ответственностью перед миром, где очень многое зависит от конкретного человека и его действий.

Но, тем не менее, человек редко стремится к одиночеству, это будет, как правило, осознанный выбор жизненного пути, в большинстве случаев он бежит от него, стремясь его преодолеть. Субъект ищет другое такое же одиночество, оно ему жизненно необходимо, для познания, слияния, единения, бегства от тирании собственного «Я» [3, с. 262]. Но побег в страсть, к сожалению, не спасение; страсть гаснет, потому как «другое» одиночество уже насытилось нашим бытием, но так и не преодолело своего трансцендентального одиночества, и потому обоих субъектов фаза насыщения ввергает в такую ситуацию, как «одиночество вдвоём». Это сильное чувство, которое субъект принёс с собой и зажёт ответное в партнёре, перестаёт терять желанность, сакральность, перестаёт быть истинным путём для развития мира для двоих, эта вспышка соединила их, иссякая постепенно как водоём в жару. И тогда уже дальнейшее развитие отношений зависит от решения обоих субъектов, либо они далее насыщают одиночества друг друга собой и терпят определённую долю внутренней пустоты, либо разрывают связь.

Знания, полученные субъектами, купающимися в волнах страсти, глубинны, они показывают истинные пределы и возможности человека, возвышают его на невероятные вершины духа, срывают ложных идолов его сознания, рождая новую картину бытия. Лишь страсть способна показать субъекту ту непреодолимую пропасть, что существует между тем отрезком жизни, где было лишь «Я» и окружающее бытие, с которым нужно было настраивать диалог и взаимодействие, и отсутствовало стремление к такой форме совместного бытия, как «мы», оно было не оформлено и новой жизнью, где действуют «вместе».

Но, увы, за всеми этими изменениями первоначально не видно, но затем всё более явственнее проявляется, возникает его одиночество, напоминая ему о своём прошлом и «жизни» партнёра до него, пробуждая страх

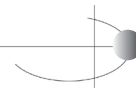
перед будущим возможным одиночеством и разлукой [4, с. 344].

Только сливаясь со своим партнёром на уровне духа и бытийственного познания, возможно избежать падения в разъединяющую двоих пустоту. Единение двух одиночеств порождает «общую реальность», в которой эти двое могут «преодолеть и вынести всё», разрешить любую проблему. Хотя в конечном итоге в случае сохранения отношения общие проблемы естественно останутся, но они уже будут иметь социально-психологический характер; но в целом трудности и ответственность обоих, бытия партнёров вновь приобретут атомизированность.

Одиночество беспощадно обнажает перед нами собственное бытие без прикрас, мы можем сколько угодно скрывать от себя своё «Я», но будем лишь каждый миг беспощадно узнавать себя. В этом случае одиночество выступает как важная ступень в собственном познании, недаром люди желают оказаться в одиночестве, чтобы подумать о своих действиях в сложных или критических ситуациях, требующих погружения в себя.

Но возвращаясь к анализу феномену взаимодействия и зависимости страсти и одиночества, нам необходимо отметить, что под страстью мы предполагаем не только чувство и процесс, определённый механизм, с заложенными алгоритмами действий, но и импровизацию, творчество субъекта. Наполненный сильными чувствами субъект бесконечно раскрывает своё бытие, его таланты эволюционируют и развиваются. И здесь необходимо обратить внимание на важную особенность страсти – неконтролируемость её сущностной природы, противостоящей коллективному, родовому, для которых само выражение страсти является табу. Субъект, охваченный страстью, выбивается из социально-психологических, сексуальных и др. норм, естественных для коллектива, таким образом, создавая угрозу целостности и порядка в нём [6, с. 90].

Но вот страсть начинает угасать, и с этого момента отношения становятся рутинными, приобретают шаблонность и стандартность, затихают чувства. Если для обоих субъектов данная ситуация является нормой и той целью отношений, которую они предполагали после периода бурной страсти, то этот союз будет прочным и удачным, взаимодействие, взаимопонимание, взаимопознание останутся конструктивным и позитивным. Но, если для двоих эта ситуация не приемлема, или хотя бы для одного, то такую пару может

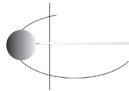
ожидать закономерный разрыв. Но до этого жестокое разочарование в объекте страсти, крушение иллюзий, проявление тех или иных неадекватных действий в связи с неопределённой ситуацией, познание себя и познание друг друга извратится под воздействием эмоционально-чувственной сферы личности человека и приобретёт ярко негативный оттенок. И потому многие, опираясь на собственную эмоциональную конституцию, значительно расшатанную критическим положением отношений обоих субъектов, выбирают осознанное одиночество, вдали от своего партнёра, от его влияния.

Это вынужденное отдаление необходимо обоим субъектам, чтобы заново разжечь их страсть, обострить тягу друг другу; либо в этом одиночестве субъектом или субъектами осознаётся тщетность будущих отношений, невозможность возобновления и продолжения контактов. Временная разлука становится тем отрезком жизни, когда происходит осмысление своих поступков, действий партнёра, и субъект (ты) приходят к пониманию продолжения своих отношений или будущему их разрыву. Опыт осмысления действий собственного «Я», происходящий в одиночестве, даёт необходимые ответы запутавшимся в отношениях партнёрам, самопознание активно работает и выясняет все те причины, которые могли и могут помешать отношениям, анализируется всё – от сказанных отдельных фраз, до целых событий, происходивших в жизни субъектов. Но здесь очень важно подчеркнуть, что адекватность и гносеологический конструктивный результат возможен лишь в том случае, если субъекты действительно готовы абстрагироваться от собственных эмоций и неадекватных оценок, вызванных ситуацией, и желают опираться не только на знание тела, но и на рассудок, логическое мышление. Этот переход от биологического знания к логическому должен иметь осознанный выбор партнёров, иначе гносеологически неверный результат повлечёт за собой онтологический кризис их отношений и их личностей.

Ещё одной гранью взаимоотношений между субъектами, охваченными страстью, становится выяснение того, являются ли они равноценными друг для друга субъектами, и тогда их страсть протекает в более ровном и адекватном ритме, их ожиданиям и желаниям предоставляются естественные возможности их осуществить через своего партнёра с его безусловного согласия. Но чаще всего один из субъектов объят страстью гораздо больше потенциального партнёра, его же-

лания просто переполняют, тогда как другой более сдержан и холоден в своих действиях. Но при том условии, что один желает другого страстно без яркого проявления желания со стороны второго субъекта, рождается одиночество в такой паре субъекта, желающего заполучить желанное, так как такие отношения осуществляются под давлением и не могут быть часто адекватными (могут носить случайный характер). В таком случае можно говорить о дисбалансе в таких отношениях [2, с. 11]. Страсть стремится не только насытиться бытием другого, не только наполнить собственную бездонную чашу бытия, но и полностью завладеть желанным объектом страсти, преодолев одиночество двоих [5, с. 207]. Одна лишь мысль о том, что он может быть самостоятелен и отделён от него, рождает страх и неуверенность, усиливая интерес к партнёру, когда определённая доля недостижимости становится очень привлекательной. И здесь очень важным становится реакция второго партнёра, как он себя поведёт, ведь течение страсти первого, её направленность, конструктивность и гносеологичность зависит от влияния эмоционально-чувственного аспекта на его рассудочные и практические действия. Долгая неразрешённость и неопределённость ситуации, возможная переоценка желанного объекта может вызвать агрессию, депрессию или другие негативные ситуации, и потому в таких ситуациях важен диалог двоих, предельно честный и открытый. Лишь во взаимодействии обоих субъектов вопрос власти и страсти может быть разрешён и возможно преодоление возникновения неадекватных ситуаций.

Но вопрос сочетания и функционирования двух феноменов – страсти и одиночества, касается не только человеческих отношений. Порой страсть к какому-либо предмету или объекту, в виду невозможности его получить, заключающейся в его эфемерности, обитанию его в мире идей и образов, ведёт к осознанному человеческому одиночеству и полному сосредоточению человека на конкретной страсти, которая, таким образом, становится его целью в жизни. Субъект всю свою жизнь стремится наполнить своё бытие, которое он желает наполнить хоть частицей желанного предмета, все его мысли, действия, поступки, когнитивные акты направлены только на его желание. Данный вид страсти можно охарактеризовать как не вполне адекватный, он приводит к самоизоляции человека и полностью соединяет его с предметом страсти, сужая его действительные когнитивные способности,

нарушающиеся в связи с невозможностью осуществлять контакты с внешним миром и приводящие к неадекватному восприятию и познанию себя, этого предмета и окружающей его реальности.

Таким образом, страсть и одиночество являются взаимодействующими и взаимовлияющими феноменами. Течение страсти, её когнитивные функции, состояние эмоционально-чувственного компонента зависит от ощущения одиночества субъектом. Осознание крепости отношений, их конструктивности и позитивности для обеих сторон

также зависит от элементов одиночества, которыми они пользуются для того, чтобы осуществить те или иные акты когитация и насыщения собственного бытия. Баланс в отношениях, их дальнейшее развитие и эволюция зависит только от двоих и их умения находить друг с другом диалог, разрешая проблемы.

Так же, как и страсть, одиночество является осознанным чувством и необходимостью для человеческих индивидов, для переосмысления и создания новой творческой реальности, нового взгляда на своё собственное Я и окружающее его бытие.

Список литературы

1. Демидов А. Б. Феномены человеческого бытия: пособие для студ. вузов. Минск.: Бел. фонд Сороса: «Армита-Маркетинг, Менеджмент», 1997. С. 91–92.
2. Делис К. Дин, Филипс К.. Парадокс страсти – она его любит, а он её нет. М.: Мирт, 1994. 154 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 639 с.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
5. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 207–228
6. Фрейд З. «Я» и «Оно»: тр. разных лет: в 2 кн. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1. С. 90–91.

Spisok literatury

1. Demidov A. B. Fenomeny chelovecheskogo bytija: posobie dlja stud. vuzov. Minsk.: Bel. fond Sorosa: «Armita-Marketing, Menedzhment», 1997. S. 91–92.
2. Delis K. Din, Filips K.. Paradoks strasti – ona ego ljubit, a on ejo net. M.: Mirt, 1994. 154 s.
3. Ortega-i-Gasset X. Degumanizacija iskusstva. M.: Raduga, 1991. 639 s.
4. Sartr Zh.-P. Jekzistencializm – jeto gumanizm // Sumerki bogov. M.: Politizdat, 1989. S. 319–344.
5. Sartr Zh.-P. Pervichnoe otnoshenie k drugomu: ljubov', jazyk, mazohizm // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. M.: Progress, 1988. S. 207–228
6. Frejd Z. «Ja» i «Ono»: tr. raznyh let: v 2 kn. Tbilisi: Merani, 1991. Kn. 1. S. 90–91.

Статья поступила в редакцию 15.11.2011 г.